

В 1973 году в мою просветительскую деятельность — а я представлял уже тогда несколько иконных и реставрационных экспозиций — поступалась радостно и неожиданно выставка икон из частных коллекций Советского Союза. Эту выставку мы делали в музее Рублёва с замечательными его сотрудниками — Алиной Логиновой, Лилей Евсеевой и Вадимом Кириченко, главным хранителем. Невероятно, что нам тогда разрешили сделать такую выставку, потому что коллекционер был синонимом всего самого плохого, связанного с изобразительным искусством... Но я ещё раз повторяю — это Божий промысел помогал делать такие выставки. Они состоялись не благодаря, а вопреки. Про меня даже говорили, что у меня блат есть какой-то наверху. А блата никакого не было. Наоборот, наверху всячески старались мешать моему делу. Но всуду есть хорошие люди — и эта выставка ими была поддержана. Мы прежде всего показали иконы из собрания Павла Дмитриевича Корина, которые хранились и хранятся в его музее-квартире — филиале Третьяковской галереи; выставили иконы из коллекции жившего ещё в Москве Георгия Дионисиевича Костяки; блестящую икону начала 16 века "Рождество Богоматери" из собрания моего друга кинооператора Сергея Аркадьевича Вронского; показали икону, принадлежащую Николаю Александровичу Соколову, одному из троицы "кукрыниковской". Были среди экспонентов и писатели, в частности, Солушкин. Среди людей, которые мне помогали делать эту выставку, были и мой "крестник" Николай Александрович Воробьёв и сын его Серёжа. Дело в том, что они начали собирать свою коллекцию у меня на глазах, и сначала с трудом отличали "девятнадцатый век от двенадцатого". Но ими

руководило большое желание собрать коллекцию. Они учились, как говорится, на глазах, сами начали потихоньку реставрировать, получили у Кирилла Шейнкмана, моего коллеги, первые реставрационные уроки. Им очень повезло. Сначала у них были какие-то случайные вещи. Серёжа учился в Строгановском училище, проходил с другом практику под Москвой, в действующей церкви на станции "Удельная". Они починяли оклады на иконах. Сделали работу, их спросили: сколько вы вам должны? И Серёжа ответил: я бы с удовольствием, если у вас есть что-то ненужное из старых икон, вместо платы бы взял... А это церковь деревянная, на её месте в древности была каменная церковь, и на чердаке, по счастью, сохранилось что-то из старой утвари... И ему сказали: поезжай на чердак, посмотри, может быть, тебе что-то там пригодится. Пригласулось. Серёжа привёз первые несколько икон, они с отцом позвонили мне. Как сейчас помню, был хороший летний день, я с красивой девушкой приехал к ним в гости — и встал на колени, потому что увидел, что он привёз иконы раннего шестнадцатого века, а как оказалось после расчистки — и пятнадцатого, и даже не самого позднего! Эта находка стала основой коллекции. И потом у них, как говорится, деньги к деньгам, коллекция обростала. Николай Александрович ушёл из жизни, а Серёжа прочно обосновался в этой области. Он великодушный реставратор, с замечательным чутьём, с ним консультируются маститые коллекционеры. Я продолжаю с ним дружить, но по-прежнему к моим советам прислушиваются... Тогда же Воробьёвы сказали, что надо ехать на эту выставку и иконы Николая Ивановича Кормашова. Я слышал, что есть такой художник, живущий в Таллине, периодичес-

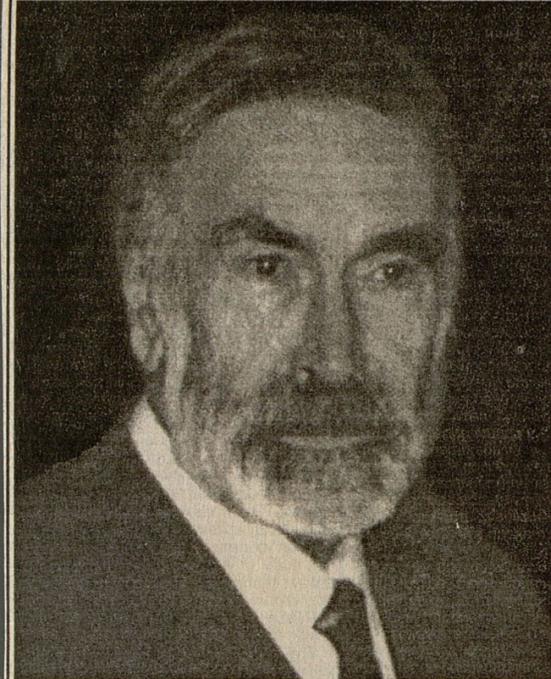
ки видел его работы на всевозможных выставках. И знал, что художник он основательный. Потом мой друг Лавр Лындин, который ныне живёт в Италии, замечательный, всесильный человек, он служил в своё время в Таллине, общался с Николаем Ивановичем Кормашовым, — мне много о нём рассказывал. Я тогда был лёгким на подъём, сначала мы с Николаем Ивановичем встретились в Москве, он привёз репродукции со своих икон, мы их отобрали, включили в каталог; потом я съездил в Таллин... Я всё время повторяю: с возрастном круг друзей становится всё более и более узким, в этом моём узком круге друзей Николай Иванович занимает очень и очень близкое место. Как говорится, мы друг с другом сверяем часы нашей жизни.

Николай Иванович — уроженец города Мурома, коренной муромлянин. Ещё до смерти Сталина Коля решил получить образование именно в Таллине, в тамошней Академии художеств. И молодой человек прошёл конкурс в Академию, закончил её, женился на замечательной эстонской женщине Луле, прекрасной керамистке, которая по сей день работает. Вся его жизнь, его художническое восхождение прошли на моих глазах. Я застал Николая Ивановича в его маленькой мастерской в центре Таллина, но повернётся; маленькой была и квартирка, где они жили с Луле и двумя замечательными их детьми Андреем и Орестом. Потом я наблюдал, как Коля становится художником, без которого уже нельзя представить себе развитие ни современного русского искусства, ни эстонского. Причём я должен сказать, что Коля — человек, лишённый какого-либо стремления к комфорту, лишний он не значит, что он выходит на баррикады, ругается. Он человек целенаправленный, знающий

своё место в жизни, знающий, к чему стремится. Вы сами понимаете, в Эстонии тогда, хоть и в советской, русскому художнику, как говорится, место было не за главным столом. Я дружил и с деятелями эстонской культуры, я очень близко сошёлся с крупным эстонским дирижёром Эри Класом, моя жена Валентина Ганнибалова много лет танцевала в дуэте с ведущим танцовщиком Театра "Эстония" Тийтом Хярмом. Сотрудничал я и с телевизионщиками эстонскими, с Мати Элисте, например, который после перестройки стал послом Эстонии в США, сейчас он — один из руководителей города Таллина. И всегда от них слышал о Николае Ивановиче самые уважительные отзывы. Я ещё раз повторяю, что нельзя плавать огульно во всех, кто жил и работал в то время. Был тогда первым секретарём Центрального Комитета партии Эстонии Кебин. Мне с ним не пришлось лично общаться, но многие о нём говорили, что это человек разумный, поступающий даже иногда и вопреки законам партии. Он заинтересовался творчеством Николая Ивановича, побывал на его выставке и помог ему улучшить условия для нормальной работы и жизни. Николаю Ивановичу предложили выбрать или пятикомнатную квартиру в новостройке, или загородный дом на море. Николай Иванович предпочёл последнее. И когда я приезжал потом в Таллин, то уже не мыслил, чтобы не побывать в морозный зимний вечер или летний день в гостеприимном доме Коли и Луле, а ребята его росли у меня на глазах. Теперь у них свои семьи, женились они на эстонках. Я считаю, что эта семья — пример сосуществования народов, и такими должны быть отношения между русскими и эстонцами. Вспоминая предыдущую свою беседу с господином Андреем Майером-

Ландрутом, который родился и вырос в Эстонии. Отец ему сказал: "Андреас, учи русский язык, Эстония без России существовать не может". Это проишёс немец в десятом колене житель города Ревеля. Недавно Николай Кормашов получил титул почётного жителя Таллина. Имея дом в Пирите, он уже в течение тридцати лет проводит по несколько месяцев на небольшом хуторе, что в двух километрах от Псково-Печерского монастыря. Мы почти одновременно познакомились и подружились с его настоятелем архимандритом Алипием. Для меня встречи с Николаем в его хуторском доме стали насущной необходимостью. И сейчас мы с ним беседуем на гостеприимной псковской земле.

Савва ЯМЩИКОВ. Коля, как и всем моим собеседникам, задам тебе два вопроса. Первый. Что ты в своей жизни, а тебе уже 75 лет, считаешь самым важным?

Николай КОРМАШОВ. Спасибо, Савва. Вопрос очень простой и в то же время сложный, потому что, я думаю, не только в моей, но и в жизни каждого человека главных моментов множество. Все они являются определяющими, потому что Бог даёт нам жизнь и мы её проживаем каждый день, совершая какие-то события, и благодаря этому нет мест, неглавных в жизни, по-моему, они все главные... Я должен вначале поправить тебя в том смысле, что я муромец — так же, как Илья Муромец... Дело в том, что я родился под Муромом, в Тургенево, между Касимовым и Муромом есть такая деревня. Знаяш, кто такой был Касим царевич и кто такой Турген? Турген — это один из его сподвижников, основатель нашей деревни. Так вот, в этой деревне нашей была прекрасная церковь, Иговский погост во имя Флора и Лавра. А известно, что коневоды, а Иговский погост был посредине этого пути. Церковь во имя Флора и Лавра освещала ярмарку, где продавали лошадей. И вот одно из моих ранних воспоминаний, может быть, самое раннее, потому что раньше я и не помню. Я ещё на руках у матери, это значит, около двух лет, не более, был на очередном причастии в церкви, и меня как молнией ударило: я вдруг увидел — раньше, может быть, видел, но не замечал, — летящих красивых юношей с огромными крыльями и с золотыми трубами. Я был так поражён этим, что, видимо, начал мать беспокоить, и она, обернувшись, говорит: "Это, Колька, ангелы летящие, трубящие". Теперь я понимаю, что это такое. Это западная стена, это "Страшный суд" был, и трубащие о Страшном суде ангелы. Этот удар молнии, это первое впечатление красоты искусства, которое меня впервые поразило и стало определяющим в моей судьбе. А потом таких моментов много было. Второе причастие, когда я увидел Спаса Нерукотворного. И так начались мои, может быть, самые детские, запложенные где-то внутри и забытые потом воспоминания — но они обязательно руководили, предопределяли всю мою дальнейшую судьбу. У каждого человека, у каждого ребёнка обязательно есть моменты в жизни, когда он открывает мир. И для меня таким открытием был цвет зелёной травы. Однажды весной, когда уже сошёл снег, я увидел цвет этой травы — такой, который меня поразил. Я его до сих пор не могу передать, потому что это был неестественный, удивительный цвет зелёной травы. И вот эти два момента, я думаю, являются определяющими, а потом как обычно: школа в Муроме. Война, тяжёлые годы, как у всех, голод, — это всё забывается и начинается самая счастливая пора в жизни, когда моя мечта и постоянное, между прочим, стремление со школы быть ближе к искусству — я поступаю в Ивановское художественное училище. Я не говорю о соборах прекрасных муромских, о чудесном муромском музее, где такая археология, какой нет во многих угро-финских странах — в Финляндии, Эстонии, где культура муромы, угро-финского племени, располанная графом Сергеем Уваровым, была настолько богато представлена... И вся эта среда являла образ мира гармоничный, культурный, сложный и глубокий. Почувившись в студии Андрея Васильевича Морозова, муромского художника, ученика академика Ивана Семёновича Куликова, я окончил экстерном за четыре года Ивановское художественное училище. Несмотря на то, что это были послевоенные годы — недоедание, голод, — я испытал невероятную радость и счастье, потому что наконец-то можно было заниматься тем, чем хотелось — рисовать, писать и жить этим. После училища была возможность поступить в московский Суриковский институт, и прекрасная была возможность, потому что мой преподаватель в Ивановском училище Аркадий Сурикович Кузнецов — он всё у нас композицию, стал проректором Суриковского института. Но мне не хотелось в Москву, потому что близко было — а хотелось чего-нибудь нового, далёкого. И у меня ровно денег хватило, чтобы доехать до Таллина. Это был второй этап судьбы, предопределения Божьего. Третий этап, когда судьба поворачивала в то русло, в котором я сейчас существую и живу: конкурс большой был — но без проблем; и шесть лет учёбы пролетели, как один миг. А после, уже в период учёбы, началось новое движение в искусстве: суровый стиль так называемый, когда были распахнуты двери для самовыражения, и безоглядное отрицание критиков — всё давало возможность художнику забыть о том, чему учился в школе и в институте для того, что проявить собственное лицо, свой стиль найти.

Шестьдесят третий год. У нас в Прибалтике к этому времени, после фестиваля молодёжи и студентов в 57-м году в Москве, была полная свобода самовыражения художников. Одним из определяющих моментов стало то, о чём ты уже рассказал в своём предисловии: это друзья эстонские, коллеги по искусству, очень доброжелательные... Так продолжалось до конца шестидесятых годов, когда в мою жизнь вкралась очень нехорошая болезнь — частичный паралич позвоночника, и я вынужден был перейти на систему питания — сыроедения, которая изменила мой духовный мир и отношение к задачам искусства. В конце 60-х годов — начале 70-х появляются новые картины, в новой технике. Этому способствовало и величайшее для меня событие, одно из главнейших до сих пор — это открытие иконы. Обычно бывая в Москве, проходя по залам Третьяковки — экспозиция кончалась искусством русских передвижников, потом начиналось искусство начала двадцатого века, живопись Врубеля и Малявина. И после этих художников можно было только заглянуть в зал икон и повернуть обратно. Так и было много

Николай КОРМАШОВ:

«КТО МЫ - БЕЗ РОССИИ?»

Завтра, 2004-11-13 (окт.) - с.8

раз, пока однажды я не утрудил себя войти внутрь и посмотреть все залы. И после этого я уже не мог смотреть ни Врубеля, ни Малявина. Опять такое сильное переживание, такое новое открытие — икона как бы вошла в меня. Но это было внешнее открытие. Настоящее же для меня началось, когда я её сам впервые "раскрыл". Ты сам знаешь, что такое раскрытие иконы — ведь в западной терминологии нет "раскрытия" живописи, там есть консервация, реставрация. А в русской терминологии реставрации существует раскрытие иконы, потому что икона, как правило, закрыта была поздними записями. Она была в лучшем случае прилично записана масляной живописью. И вот когда мне пришлось отмыть икону, и когда из-под записей засияла благодать удивительного света, чистого цвета — это ощущение было Божественным, ни с чем несравнимым. После тяжёлой болезни, раскрытия иконы моя манера отошла от сурового стиля и стала более пластичной. И тематика изменилась, искусство стало более многозначным. Так развивается жизненная моя концепция, credo — от одного этапа, детского — до зрелого, приносит новые качества, находки, радости и очень много разочарований, естественно, потому что не всегда всё удаётся так, как этого бы хотелось. Тем более, что времени стала очень много отнимать икона, её реставрация. Изобразительная форма самовыражения в живописи стала уходить на второй план, и я не скажу, что это приносило ущерб, потому что в то же время икона всегда меня держала на том уровне, который нельзя было свести к конформизму.

С.Я. Коля, вот ты сейчас рассказываешь об иконах, о соборности. Ведь это важная страница в твоей жизни — ты в поисках икон много путешествовал по Вологодской земле. И вот чтобы не уйти от России, тебе Господь всё время помогает — хутор в Тайлове, собрание икон, встречи с архимандритом Алипием. И мне хочется у тебя спросить: как ты сочетаешь выучку эстонскую, западную — и удивительный совершенно русский дух? У меня есть свой взгляд, как я это вижу; а вот что ты считаешь, просто Расскажи, в чём здесь секрет?

Н.К. Опять спрашиваешь о секретах, которых нет. Да, действительно, Муром — это всё-таки центральная Россия, это не Вологодский север, не Архангельская область, не Пинега, не Тарнога, это не Уфтуга — совершенно другой край. Но когда я впервые попал на вологодскую землю, это давно случилось, ещё в 64-м году. Была у меня такая тема картины — "Люди новой деревни", и собирая этот материал, я попал через Вологду в край, который приковал меня, можно сказать, на всю жизнь. В Тарноге в отделе культуры, когда я пришёл заявить, чем я буду заниматься, мне сказали: "А, так вы из Лохты, вы наш. У нас тут целая деревня Кормашовых в Лохте". И, побывав там, действительно, жил я у старой женщины (там в деревне почти все женщины без мужей жили — погибли мужья). Виринея — имя уже какое! Виринея Кормашова, председатель колхоза, безногий инвалид Отечественной войны Кормашов. Удивительный край — простой, естественный. Настолько самобытный, с высочайшей культурой быта. Избы на высоких подпелках, несчастная речь, несчастный быт, неприязнительность людей, удивительная открытость и доброта всеяли такую веру, такую надежду и такую уверенность, что общаясь каждое лето с людьми этих деревень я получал такую подпитку и уверенность в себе, что мог свободно не приспосабливаться, не изменяя своим коренным привычкам и своему

эмоциональному строю. Потому что эмоциональный строй эстонца другой, не такой, как у русских. Может быть, меня за это там до сих пор и уважают — за то, что остался сам собой? И у меня нет ни с друзьями, да и практически ни с кем стычек на национальной почве. Я не владею языком эстонским — тем не менее меня принимают таким, какой я есть.

С.Я. Коля, вологодские твои, как говорится, поисковые и творческие поездки — они мимо меня прошли, я о них узнал, когда мы с тобой познакомились. Но я абсолютно уверен, что огромную роль сыграл в твоей жизни архимандрит Алипий. Мне бы хотелось, чтобы ты рассказал об отношениях с отцом Алипием, тем более, мы с тобой сегодня беседуем — 28 июля — 90 лет с его дня рождения. Мы помолвились о его вечной памяти...

Н.К. Опять никуда не уйти от судьбы, от предопределения. Многие годы перед этим я искал место, дом, где бы я мог летом бывать и работать. В 62-м году я впервые приехал в Печоры. Но знакомство с Печорами было тогда поверхностное — гостиница, базар, окрестности монастыря... В 64-м году я гостил более основательно, и вот тогда судьба свела меня с отцом Алипием. Это было в ноябре, когда выпадает первый снег — это время сопряжено с туманами. Видимо, влажность повышенная в приозерье даёт такую атмосферу, и снег такой влажный, розовым кажется... И вот, работая у одной из башен — Тайловская башня, угловая, выходит как раз в сторону деревни Тайлово — над этодом, я услышал за своей спиной голос красивой бородой, с очень смеющимися глазами стоит человек сзади меня. "Бог в помощь! Работайте. Я архимандрит Алипий. Кончите работать — приходите ко мне, погреемся". И он ушёл — так же незаметно, как и пришёл, потому что там с этой башней рядом захаб такой, где можно выйти только знающему человеку. Кончив работу, собрав этюдник, я действительно прошёл через ворота в монастырь, спустился к дому наместника, там уже меня ждал привратник, и сказал: "Вас батюшка ждёт". Поднялся. Стол был уставлен кушаньями и чаем. Он меня поил, кормил, сам не притрагиваясь и только расспрашивая. "Будешь приезжать работать — всегда приходи ко мне". Так началось моё знакомство с архимандритом Алипием. А в 67-м году я никак не мог дом найти в Эстонии, на всём побережье — не хотелось, не нравилось, чуждое, — приехал в Печоры для того, чтобы купить дом здесь. Была уже договорённость с местным старожилом, неким Куликовым, который собирался уйти к брату жить, а свой дом продать — но они поссорились с братом, свой дом он не продал мне, и я, расстроенный, отправился опять к Алипию. Архимандрит мне говорит: "Не унывай! Вот вернётся Верхоустынский, это настоятель Никольской церкви в Тайлове, потомственный священник, из мест заключения — репрессирован был, он мне говорил, что там что-то есть. Иди к нему, и он тебе покажет". Отправился я по благословию отца Алипия к Николаю Верхоустынскому, он говорит: "Вот в магазине Марья Гаврилкина. Её мать продаёт дом. Пока не ушла — иди сразу". Пошёл, Мария мне свела в свой дом, и как я только спустился в долину из леса — заснеженную розовым мартовским снегом, окружённую кольцом сосен и елей, в чаще такой — без всяких сомнений я согласился, и с тех пор 37 лет не расстался с этим местом, как с самым драгоценным. Потому что благословение дорогого человека Алипия, — и место, которое ты, Савва, знаешь, насколько оно благодатно, осязано и покойно.

С.Я. Это место, мне кажется — там природой настолько ухожена даже трава вокруг дома, по всей долине, что я думал, что Кормашов её подстригает газонокосилкой, а на самом деле здесь настолько чистая природа... Коля, ты мне как-то поведал одну историю с иконой, которую архимандрит Алипий тебе помог получить. Расскажи об это.

Н.К. Да, это была удивительная история. Жил в одной из деревень близ Лохты, в Тарногском районе, где, как я уже говорил, где моих однофамилцев очень много, у старых моих друзей — Вячеславовых. И приходит ко мне некая Марья Гарфёнова и говорит: "Николай Иванович, я давно тебе хотела сказать и показать, но всё стеснялась — на вышке (это чердак) есть у меня икона, вдруг она тебе понравится? Иди, посмотри". И когда я пришёл к ней на вышку, а там вышки — это огромные пространства летнего жилья, то увидел доску, которая мне показалась шестнадцатого века, порядочной величины, стояла под стропилой и закрывала часть прогнившей крыши. Я её вынул. Одна половина доски была мокрая, леваяк совершенно разбух, другая часть абсолютно чёрная. Конечно, я её ругал — ругал, что допустила до гибели такую икону. Тут же этот левкак я высушил, укрепил — и удалось с небольшими утратами сохранить образ Корсунской Богоматери... Это начало истории, связанной с Алипием. По соседству жил Мухин Пётр Иванович, родители которого были старостами церкви разрушенной, и у них дома тоже были иконы. И он, видя, что Мария мне отдала доску, сказал: "Иди, посмотри, у меня что-то есть". Он снял выносную доску с рукояткой. Отслаивалась левкак вместе с паволокой, я говорю: "Пётр Иванович, надо её реставрировать, отдайте её мне". Он говорит: "Николай Иванович, я бы отдал, но у меня дочь учительница, а вдруг она узнает, устроит мне нагоний и не захочет отдать. И вообще, мне бы не хотелось отдавать в музей или просто кому-то. Я ведь вас не знаю настолько хорошо.

Подождём, может, ещё, Бог даст, приедётся..." Так и уехал я ни с чем, в расстройстве, потому что думал: до следующего раза она вообще может появиться — отвалится паволока с живописью. И об этом случае при встрече я рассказывал отцу Алипию. Он говорит: "Знаешь, оставь мне адресок этого Мухина". Я написал. И где-то в Рождество, то есть в середине зимы получаю извещение: мне посылка из Долговица. В Долговицах кто только — Вячеславов мой знакомый — и Мухин. Непонятно. Получаю, сам волнуюсь... Что ты думаешь? Очень красиво упакованный ящик, рукоятка вынута — она вставлена была в пласт доски в своё время, распилена пополам, всё сложено, обернуто газеткой, с паволокой — даже не отвалилась паволока. С письмом: "Николай Иванович, простите Христа ради, что сразу не поверил вам".

С.Я. Вот это одно из чудес Алипия... Сейчас мы готовим книжку, там будут и твои воспоминания, там таких случаев с архимандритом немало. Коля, ещё один человек в нашей жизни — и с Алипием он тоже связан, я его с ним познакомил — и тоже фронтвик, и тоже человек выдающийся, даже сыграл очень большую роль и в твоей, и в моей жизни — Василий Алексеевич Пушкарёв, директор Русского музея. Мы готовимся отметить его 90-летие в будущем году, и открыть мемориальные доски в Петербурге. Я знаю, что этот человек неравнодушно относился к твоему творчеству и покупал картины для Русского музея. Я знаю, как он умел отбирать работы, но мне хотелось бы, чтобы ты рассказал немного об истории своих творческих отношений с этим потрясающим совершенно человеком, как мы его называем — "музейчиком № 1" в России.

Н.К. Опять надо вернуться к твоему первому вопросу — что главное в моей жизни. Видимо, самое главное — это люди, благодаря им я состоялся. А людей таких в жизни очень много встречалось — прекрасных людей, которые спасали от каких-то неприятностей, помогали быть независимым, поддерживали в творчестве. Василий Алексеевич — один из них.

После выставки в Москве в 1964 году в зале Союза художников приехал ко мне человек в Таллин. Сказал, что он директор Русского музея, видел мою выставку в Москве и хотел бы посмотреть работы в мастерской. На меня произвело впечатление то, что он не представлялся как какой-то наукообразный человек, он был очень прост, язык его был очень располагающий, естественный, и я вначале подумал грешным делом: "Почему он вдруг захотел посмотреть мои работы?" Все мы искусствоведам не доверяли... И вот я ему показываю одну работу, вторую — и он откладывает эту, другую, третью. И именно те работы, которые у меня не только не покупали, но и критиковали за "суровость" стилиа, за открытость какою-то, за критицизм — одним словом, всё моё творчество я считаю критическим реализмом, — за социализацию творчества. Работы не только спорные были, но и критикуемые — и он эти работы у меня отбирает. Говорит: "Эти работы, если сможете, пришлите вот по такому адресу — мы их кулим". Я рад был — пакую, отсылаем работы, приходит прекрасное благодарственное письмо, и перевод денег — в два раза больше, чем если бы у нас в Таллине покупало министерство. С этого момента началось моё общение, знакомство с Василием Алексеевичем. Это как раз один из людей, которые помогают в жизни определиться очень многим.

С.Я. Ты сейчас говоришь о людях, с которыми тебя познакомил Василий Алексеевич. И у тебя, и у меня одни и те же люди! И вот такой будет вопрос, последний, пожалуй, в нашем разговоре. В прошлом году я привёз к тебе своего старого немецкого друга, причём друга влиятельного в международном масштабе. Господин Андреас Майер-Ландрут в течение десяти лет был послом ФРГ в Советском Союзе. Потом он стал государственным секретарём Германии, затем возглавлял "Даймлер Крайслер" в России. Сейчас он живёт в Москве. Удивительное совпадение: он таллинне, ревельский немец, и когда я его привёз к тебе, мне было радостно наблюдать, как вы говорите о Таллине, о знакомых общих, о премьер-министрах и простых людях. О Патриархе, с которым Андреас мальчиком играл в одной песочнице у церкви, где служил отец Патриарха. А ты с Патриархом сталкивался, занимаешься реставрационной деятельностью. И вот у меня такой вопрос в свете того, что Андреас мне сказал в одном интервью: "Эстония без России — ничто". Что ты по этому поводу можешь заметить?

Н.К. У меня нет опыта видеть, как Эстония может без России жить. Но мне кажется, что ей надо отдохнуть от России немножко. Отдохнёт, а там видно будет. Страхов у эстонцев больше, предвзятости, чем оснований для этих страхов и преубеждений. Поэтому освободиться на время Эстонии нужно.

С.Я. Я сам пострадал от обкомов, райкомов, но не нужно забывать про то, что такое Россия. И я-то о чём думаю: я хочу приезжать в Таллин, хочу, чтобы ко мне приезжали — вот сейчас Эри Клас дирижировал на вечере памяти Галины Улановой в Москве. И давай попросим Бога, чтобы на твоём хуторе собирались и немцы, и эстонцы, и русские, и все, кому дорога красота и то, что тебе было пророчеством — те ангелы, которые летели в "Страшном суде", на этой фреске, чтобы эти ангелы хранили наш мир и покой. Спасибо тебе, Коля, за беседу.

208